

## ТОПОНИМИКА

*И.И. Муллонен (Петрозаводск)*

### **Границы в топонимии Заонежья\***

Заонежье или Заонежский полуостров, расположенный на северном побережье Онежского озера – уникальная в смысле историко-культурного наследия территория. Именно здесь была открыта в XIX веке русская былинная поэзия. Заонежье знаменито шедеврами деревянной архитектуры, среди которых всемирно известный Кижский ансамбль. В Заонежье были открыты уникальные археологические комплексы, свидетельствующие о богатой древней культуре региона.

Менее известно, что культура Заонежья возникла на стыке двух культурных традиций – прибалтийско-финской и русской и явилась результатом их взаимодействия, взаимопроникновения, сплава. Русское освоение Заонежья происходило несколькими удаленными друг от друга по времени волнами в течение первой половины II тыс. н. э. и, с одной стороны, накладывалось, с другой, сопровождалось прибалтийско-финским (вепским и карельским) освоением. На протяжении столетий в Заонежье происходили активные этноязыковые процессы, отразившиеся в топонимии, которая, будучи русской по употреблению, буквально пронизана названиями прибалтийско-финского происхождения. Последние характерны не только для устойчивой во времени гидронимии, но и для относительно подвижной микротопонимии.

Проблема маркировки границы в топонимии Заонежского полуострова возникла в связи с созданием географической информационно-аналитической системы «Топонимия Заонежья», нацеленной на привязку базы данных топонимов Заонежья к объектам электронной карты. На карте размещено около 10 тыс. названий крупных и мелких географических

---

\* *Статья подготовлена в рамках проекта Финляндской Академии наук, № SA 208153.*

объектов Заонежского полуострова, собранных в полевых экспедициях на протяжении последних 30 лет. В ходе работы выявилось наложение определенных топонимных моделей на границы погостов, волостей, районов и других административных подразделений разного времени, а также на границы, отделявшие государственные земли (леса) от сельскохозяйственных владений крестьянских обществ, а позднее колхозных земель. Присутствие некоторых из моделей, к примеру, топонимов, в основе которых присутствует лексема *межа* (*Межевой ручей*, урочища *Межевуха*, *Межевая Сельга*, дер. *Межники*), или *угол* (уголья под названием *Угол*, *Угольская Нива*, *Каменный Угол*, *Угольный бор*, *Кирилкин Угол* рядом с урочищем *Межевой Колодец*) было вполне ожидаемо. Другие же оказались не столь прозрачны. Ниже будут представлены некоторые из моделей, так или иначе связанные с мифологизацией пространства. Добавим к этому, что картографический материал и описания границ, привлеченных для исследования, достаточно разнообразен – от описания границ Шунгского погоста XVI в. до колхозных карт. Ценным источником оказались хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве карты крестьянских земель и лесов по Заонежскому полуострову [РГИА, ф.380, оп.17, № 496, 498, 529, 530, 533, 534] второй половины XIX в.

Издrevле пограничными знаками, как известно, были камни. В описании границ Шунгского погоста XVI в. они упоминаются в этой функции неоднократно: “А с верхнево Палозера середним бором водоволоком да к камению”, “да на той горы ... положено каменье” “да Пигмозером на виликой камен” и др. [Витов 1962: 176]. Особый интерес вызывают упомянутые в этом же документе два пограничных *Синих камня*: один в Святухе “в страдных островах меж островами камен синь выше воды”, другой на восточном берегу Космозера, где “синей камен на берегу ... стоит выше воды” [Витов 1962:176]. Вторым из этих *Синих камней*, расположенный у бывшей деревни Ганжак Космозерской волости, зафиксирован и в наших полевых материалах, первый же обнаружить не удалось, если только он не выступает сейчас под названием *Острад-*

ная луда. Кроме этих двух камней в нашей картотеке по заонежской топонимии есть упоминания еще о пяти *Синих камней*, два из которых, привязанные к старым границам, могут квалифицироваться как пограничные. Они маркируют традиционную границу Великогубской и Яндомозерской волостей, один на южном, другой на северном участке границы. Три других *Синих камней* не имеют такой откровенной пограничной привязки, хотя, с другой стороны, *Синий камень*, известный в дер. Усть-Река Великогубской волости, располагается на поле с названием *Обод*, в котором заключена идея границы. Картографирование заснежных *Ободов* показало, что в подавляющем большинстве случаев они находились либо на границе деревенских полей и отделяли их от леса и лесных полян, либо отграничивали от леса или угодий соседней деревни свои владения. Устрецкий *Обод* с *Синим камнем* служили южной границей устрецких земель и отделяли их от владений старого Вегорукского погоста. В свою очередь, поляна *Синий Камень*, расположенная у северо-западной оконечности Виговской губы, привязана к границе, отделявшей государственный лес от сельскохозяйственных владений крестьянского общества Вигово.

*Синие камни* становились уже объектом топонимического исследования. А.К. Матвеев обращает внимание на сакральный характер объектов с названием *Синий камень* на Ярославщине и считает их возможным мерянским наследием [Матвеев 1996:16], следы их сакральности обнаружены также в зоне Верховажья в Вологодской области [Березович 2000:437–438]. Определенный отголосок мифологических представлений связан и по крайней мере с одним из заонежских *Синих камней*, около которого “чудилось”.

В контексте заонежских объектов с названием *Синий камень* особый интерес представляет замечание (сделанное, правда, вскользь) о том, что для многих синих камней Ярославского края свойственна функция “обозначения какой-либо границы” [Алквист 1996:247].

Каково семантическое наполнение топонима *Синий Камень* и его этнокультурная интерпретация с учетом возмож-

ной привязки его к границам? Почему именно *Синий камень* часто маркирует границу? Известно, что синий камень – устойчивый образ мифологического пространства. Он неоднократно фиксируется на Севере, к примеру, в заговорной традиции, и не только в устойчивой формуле “на синем море синий камень” [напр., Курец 2000:74], но и в других ситуациях. “Синий камень тебе в рот” – говорят человеку, если хотят, чтобы он перестал ругаться [из полевых записей К.К. Логинова, Научный архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп.6, дело 627, л.91, 2002]. Для нейтрализации яда при укусе змеи предлагается запрыгнуть на синий камень [устное сообщение К.К. Логинова]. Синие камни является локусом-эмблемой водяного, что позволяет видеть за ними “первые островки земли, вырастающие из первобытного хаоса” [Криничная 2001:509]. Не несут ли и пограничные *Синие Камни* такой идеи упорядочения пространства, выделения своей, освоенной территории и отделения ее от чужой, непознанной?

Еще одна загадка заонежской топонимной модели *Синий Камень* заключается в ее ареальной характеристике. Все отмеченные топонимы зафиксированы в юго-восточном углу Заонежского полуострова, в окрестностях старинного села Великая Губа и его округе, и неизвестны по данным топонимической картотеки Института ЯЛИ КарНЦ РАН в остальном Заонежье. Что стоит за этим локальным ареалом и как он согласуется с традиционными представлениями о возможных мерянских истоках модели, пока не вполне ясно.

Описание границ Шугского погоста XVI в. приводит еще одну топонимную модель, которая может интерпретироваться как “пограничная”. Описание межи начинается с *Крестового Мха*, где “на крестах земля сошлась четырех погостов углом” [Витов 1962:175]. Топонимы с основой *крест* часты в наименованиях расположенных при дорогах и, прежде всего, перекрестках дорог, мест. Однако картографирование указывает и на частотность их в названиях приграничных объектов, расположенных, как правило, в местах, где границу пересекала дорога. Пахотная поляна *У Креста* располагалась по дороге из дер. Мягкая Сельга в дер. Марковщина, причем была по-

следней из принадлежавших дер. Мягкая Сельга в этом направлении. Стоит упомянуть в этой связи, что деревни относились к разным волостям Великогубского погоста. Деревня *Кресты* находилась на границе трех волостей южного Занонежья – Космозерской, Великоновивской и Яндомозерской. Урочище *Кресты* или *У Креста*, располагавшееся на северо-западном берегу Яндомозера, маркировало границу Великогубской и Яндомозерской волостей. Характерно, что оно примыкало к урочищу *Зимник*, помечавшему начало зимнего пути через озеро. Местность под названием *Половинный Крест* находилась на полпути между последней деревней Великоновивской волости Юлмаки и первой деревней Толвуйской волости Царево. Этот ряд примеров может быть продолжен, и интерпретация его должна, видимо, учитывать то обстоятельство, что крест обозначал и в севернорусской, и в прибалтийско-финской традиции сакрально отмеченное место. Он маркировал, по мнению исследователей традиционной культуры севера, границы освоенного мира, и в этом контексте “крестовые” топонимы логичны именно на границах. При этом не исключено, что часть из них могла возникнуть в результате освящения “страшных” мест, как попытка нейтрализовать нечистую силу. Такой мотив строительства крестов и часовен хорошо известен на севере [См., например, Щепанская 1995:160–165, Культурный ландшафт... 1998:93]. Показательно в связи с этим безусловное пограничное расположение некоторых топонимов, в которых отразились лексемы, связанные с обозначением нечистой силы. Таков *Бесовец* – отдаленная сенокосная поляна с. Вырозера. Планы землевладения колхозов середины XX в. свидетельствуют о том, что она располагалась в северо-западном углу владений Вырозера, на границей Вырозерской и Толвуйской волостей. По тем же планам принадлежавшее Великой Губе урочище *Бесовщина* примыкало к границе Великогубской и Яндомозерской волостей. Ручей *Бесовка* разделял земли двух микронезд поселений – Щельи и Большой и Малой Нив, расположенных в южном конце Кузарандской волости. Деревенька *Бесово* до разрастания гнезда поселений Юлмаки, в состав

которого она входила, была крайней, последней на северной границе Великоновивской волости. Сакрализацию пространства и его границ отражают, по-видимому, и топонимы с основой *бука* – ‘черт, нечистая сила, домовый, мифологическое существо, служащее для устрашения детей’ [Черепанова 1983:45–46], также привязанные к локальным границам. Болото *Букин Мох* маркирует границу землевладения деревень Типиницы и Корытово. Ручей под названием *Букин Порог* расположен на восточной границе Космозерской волости. При этом картографирование объектов, указанных в качестве пограничных в упомянутом уже выше описании Шугской межи XVI в., позволяет утверждать, что именно он фигурирует там под названием пограничного Шидроручья. Традиция пограничного объекта была, таким образом, присуща ручью на протяжении столетий. О том, что в народных представлениях Букин Порог действительно был сакральным объектом, свидетельствует связанное с ним предание, зафиксированное Е.В. Барсовым: “По дороге из Космозера через гору в Фоймогубу есть ручей, доньне называемый Букин порог. От древности выходили отсюда удельницы и показывались на росстанях: волосы у них длинные, распущенные, все равно как у нынешних барышен, а сами черные” [Цит. по: Криничная 2001:462]. В этом же контексте уместно упомянуть и тот самый *Чертов ручей* за дер. Палтега, из которого, по записанным Е.В. Барсовым преданиям, “в прежнее время выходило ... большое чудовище” [Криничная 2001:462]. Пространственная характеристика Чертового ручья, текущего по западной границе палтегских земель, подтверждает идею маркировки границ сакральной топонимией. Возвращаясь к Букину Порогу, отмечу еще один топонимный факт, выступающий доказательством пограничного и одновременно сакрального характера объекта. Ручей течет через озеро *Дристорозеро* (на картах XIX в. *Тристорозеро*) с нехарактерным для топонимов-полукалек, восходящих к прибалтийско-финским оригиналам, сочетанием согласных в начале слова. Есть основание полагать, что здесь произошло известное топонимии Заонежья наращение взрывного звука перед сонорным (*Лепозеро* – *Клепозеро*, *Клапино болото* из

*Лапино болото, Росковщина – Дросковщина*), так что первоначально топоним имел вид \**Ристозеро* и в нем закрепилось приб.-фин. *rist, risti* ‘крест’, связанное, как уже выяснилось выше, с обозначением сакрально отмеченных мест, привязанных нередко к границам.

Последний сюжет выводит на субстратную прибалтийско-финскую топонимию Заонежья, в которой также нашла отражение идея сакрализации пространства и его границ. Наиболее показательны гидронимы с основой *руhä* ‘святой’ (*Рухäjärvi* ‘Святое озеро’, *Рухäjoki* ‘Святая река’). Современное религиозно-магическое значение выросло из первоначальной семантики ‘изгородь, ограда, граница’ [Хакулинен 1955:87], которая и выступает в ряде “святых” гидронимов. В литературе обсуждается две этимологические версии прибалтийско-финского слова, при этом обе реконструируют приведенную выше схему семантического развития. Согласно одной версии слово является древним германским заимствованием, которое бытовало в прибалтийско-финских языках задолго до распространения христианства и означало границу, отделяющую свою землю от чужой (или находящейся в общем пользовании) [Anttonen1994:27]. Для лексемы существует и своя, исконная этимология, исходящая из лабиализации *i* первого слога в *y* (*rihä* → *руhä*) и семантического развития ‘двор’ → ‘обособленная территория’ → ‘святой’ [SSA]. Кроме того, SKES приводит финские диалектные и сторописьменные примеры производных от основы *руhä-*, в которых сохранилось древнее значение ‘огородить, отделить, выделить’ [SKES].

Географическая характеристика водных объектов, в названиях которых выступает основа *руhä-*, свидетельствует о реальном существовании этой реконструируемой семантики у прибалтийско-финской лексемы. Такие названия встречаются у водных объектов, которые являются последними, замыкающими в цепи озер, ручьев и рек определенной водной системы или ее участка и примыкают к пограничной зоне, отделяющей один водный бассейн от другого. Можно добавить, что на берегах “святых” озер и рек часто отсутствует, а

судя по историческим материалам, и прежде отсутствовали поселения. Подобные “святые” гидронимы отмечены к тому же обычно в стороне от важных водно-волоковых путей.

Возможность именно такой интерпретации гидронимной основы *руһä*- в эстонской топонимии не отрицал в свое время Лаури Кеттунен [Kettunen 1955 : 249], а финский историк Сеппо Суванто заметил, что на территории Финляндии и Эстонии гидронимы с основой *руһä*- привязаны к древним, восходящим еще к железному веку, родовым границам [Suvanto 1972 : 54]. Анализ “святых” гидронимов на вепсской территории показал, что сходная ситуация была и на Российском Северо-Западе. И здесь “святые” гидронимы могли помечать древние границы местного населения и служить своеобразными пограничными знаками [Муллеронен 2002 : 145–155].

Помимо географического положения “святых” озер и рек древняя семантика (“граница”) прибалтийско-финского слова *руһä* подтверждается и привязкой части из них к границам средневековых погостов, которые, как правило, восходят к более ранним территориальным подразделениям местного прибалтийско-финского населения, проживавшего здесь до распространения новгородского господства [Кочкуркина 1973:74].

В Заонежье границы средневекового Шунгского погоста помечены двумя “святыми” гидронимами : озеро *Пигмозеро* и залив Онежского озера *Святуха*. Оба топонима требуют определенных пояснений.

*Пигмозеро* восходит к наименованию вытекающей из озера реки *Пигма*, которая, в свою очередь, входит в ряд заонежских речных наименований с конечным -ма: *Судма*, *Падма* (*Падьма*), *Кажма*, *\*Вожма*. Для анализа этой группы названий должен, прежде всего, быть решен вопрос о природе -ма: является ли он формантом или входит в производящую основу. В принципе устойчивость его в потамонимах Заонежья дает основание предполагать в нем суффиксальный элемент, (хотя топонимия Заонежья содержит и примеры обратные, когда -ма входит в корень слова: *Салма*, *Лижма*). На суффиксальную природу указывает и выявляющаяся в



Заонежье закономерность в функционировании -ма в составе топонимов. Дело в том, что наряду с примерами, в которых -ма является вторым слогом (*Пигма* и др., см. выше), выявляется группа топонимов с -ма в третьем слоге: *Яндома, Шайдома, Пеэрема, Линдома*. Сопоставление звуковой структуры двух групп топонимов указывает на то, что в первой, скорее всего, произошло выпадение гласной из второго слога (*Пигма* < \**Пигама*), которому во втором случае препятствовало сочетание согласных на стыке первого и второго слога. Иначе говоря, ситуация определялась открытостью или закрытостью первого слога. В каком языке истоки этого явления? Из прибалтийско-финских языков, бытовавших в прошлом в Заонежье, явление редукции гласных известно вепсскому, однако оно происходило там в ситуации, прямо противоположной той, которая выявляется в Заонежье, а именно после закрытого первого слога [Tunkelo 1946]. Поэтому явление имеет, скорее, русские корни и связано с адаптацией прибалтийско-финских топонимов с ударным первым слогом. Добавим, что гидронимы с -ма во втором слоге группируются в той зоне Заонежья, которая относительно рано испытала русское языковое воздействие.

Есть и другие обстоятельства, позволяющие предполагать присутствие в *Пигма, Судма* и прочих речных наименованиях Заонежского полуострова “речного” форманта -ма. В истоках реки Судмы расположена губа (залив озера Космозера) под названием *Суда* или *Судочья*, в котором основа закрепилась без названного форманта. Не менее показательна и этимологическая интерпретация: вычленив конечный элемент -ма, можно предложить достаточно убедительную этимологию для большинства перечисленных названий, в то время как комплексы, включающие в свой состав -ма, практически не поддаются этимологизации. Так, название реки *Кажма*, представляющей собой короткую протоку между обширной губой Онежского озера Святухой и озером Космозером, заманчиво возводить к прибалтийско-фин. *kasa* (вепс. *kaza*, карел. *kasa*) ‘угол, край, бок’. Такая интерпретация находит поддержку в географической характеристике: озеро Космозе-

ро, из которого вытекает река Кажма, является угловым, боковым по отношению к Святухе. Берега река Падмы известны как основной сенокосный массив центрального Заонежья, что дает основание предлагать для этимологии приоб.-фин. *pata, patoi, ratama* (в котором *-ma* – словообразовательный суффикс) ‘обширная безлесая низина, в которой весной и осенью (иногда и на протяжении всего лета) стоит вода’ [KMS]. Впрочем, для гидронима существует и более традиционная этимология, связывающая его с приоб.-фин. *pato, rado* ‘запруда на реке’.

Название расположенной в окрестностях Кижей реки \**Вожма* реконструируется на основе современной, явно вторичной формы *Вожмариха*, в которой выделяются русский суффикс *-иха*, и прибалтийско-финский элемент *-ar < -ag*, представляющий собой усеченный вариант прибалтийско-финского (вепсского) детерминанта *-järv* ‘озеро’. Иначе говоря, современное название реки восходит к приоб.-фин. (возможно, вепсскому) наименованию озера *Vožmar’ (\*Važmar’)* < *Vožmajärv (\*Važmajärv)*, рус. *Вожозеро*, из которого река вытекает. Кстати, в материалах XIX в. название отразилось именно в реконструированном выше облике *Вожмарь* – на-

---

\* Косозеро и Кажма, безусловно, имеют общие истоки, разница же в их современном фонетическом облике вызвана тем, что разные концы озера Косозера, протянувшегося с юга на север практически через все центральное Заонежье, в ходе освоения территории испытали разное этноязыковое воздействие. В названии реки Кажмы, расположенной в северном конце озера, отразилось, видимо, карельское освоение, в то время как в лимониме Косозеро могло отразиться относительно раннее русское воздействие, которое испытало южное Заонежье. Истоки же названия заманчиво видеть в вепсском языке, в пользу чего говорит использование лексемы *kaza* в вепсской топонимии [Муллонен 2002], а также подтвержденное археологически присутствие вепсов в Заонежье на рубеже тысячелетий [АК].

\*\* О возможности первоначального варианта с *a* в основе см. ниже.

звание сенокосного угодья вдоль ручья [РГИА, ф. 380, оп.17, № 533, планшет 70]. В свою очередь, лимноним периода первоначального образования мог восходить к речному наименованию \*Vožm(a) или \*Važm(a) с конечным -ма, выделяющимся и в других потамонимах Заонежья. В пользу такого многоступенчатого образования, а, главное, возможности выделения в составе топоосновы конечного элемента -ма свидетельствует этимология названия. В его основе можно восстановить саамское vuoč'č'o 'болото, в которое с окрестных более высоких мест стекает вода, вытекающая из болота через ручей', vuáčš'i 'длинное узкое болото или залив' [SKES] или прибалтийско-финское (видимо, вепское) \*važ 'болото', которое реконструируется на основе данных вепской топонимии и родственных языков [Муллонен 2002:287–288]. В последнем случае вепский топоним попал в сферу относительно раннего русского освоения, маркировавшегося передачей прибалтийско-финского *a* как *o*. Предложенная этимология, уже обсуждавшаяся в топонимических исследованиях [Агапитов 2003:283] убедительно подтверждается ландшафтно-географической характеристикой местности, представляющей собой болотистое побережье Онежского озера.

В этом контексте и в названии реки *Пигма*, вытекающей из обширного озера Пигмозеро в Уницкую губу Онежского озера, допустимо выделение двух структурных элементов: топоосновы пиг- и форманта -ма. При этом топооснову допустимо возводить к приб.-фин. *puhä* в его изначальном значении 'ограда, граница', подтверждением чему служит не только привязка озера и реки к границе Шунгского погоста XVI в. [Витов 1962:176], но и то, что озеро Пигмозеро является водораздельным. Последнее обстоятельство высвечивается названием расположенного южнее Пигмозера на расстоянии 1 км, но по другую сторону водораздела, названием озера *Ладмозеро*, восходящего к карел.-люд. *ladm* (ср. карел. *latva*, *ladva*, *ladv*) 'исток, вершина реки'.

Второй "святой" гидроним Заонежья, также маркирующий границы Шунгского погоста, – это *Святуха*, название узкого длинного залива Онежского озера, прорезающего территорию

полуострова с севера на юг. Анализ гидронимов с основой свят- в районе южного Обонежья и примыкающего к нему Присвирья, где сосуществуют вепсская и русская топонимическая система и для большинства вепских гидронимов обнаруживаются русские варианты, свидетельствует о том, что целый ряд маркированных русской основой свят- названий рек и озер являются переводами вепских оригиналов с основой руhä-, т.е. вепс. *Pyhäjärv* по-русски звучит как *Святозеро*, а *Pyhäd'ogi* как река *Святуха* [СГС]. Русские соответствия отразили тот момент в семантическом развитии прибалтийско-финского руhä, когда первоначальное значение 'ограда, граница' было уже не актуальным, а возобладала семантика 'святой'. Именно она отражена во многочисленных переводах *Святозерах*, *Святых озерах*, *Святухах* и т.д.

Название губы Святуха в Заонежье по ряду косвенных (косвенных, поскольку не удастся обнаружить предполагаемый прибалтийско-финский оригинал) свидетельств также может быть переводом древнего вепского гидронима. Во-первых, практически все относительно крупные водные объекты Заонежского полуострова имеют прибалтийско-финские или саамские названия. Далее, по своей ландшафтно-географической характеристике Святуха является настоящим водораздельным озером, южная оконечность которого отделяется от озер южного Заонежья перешейком. Путь с южного побережья Онежского озера во внутреннее Заонежье через этот перешеек был явно менее удобен (в силу ландшафтных особенностей) и более длителен, чем продвижение через соседний водораздел между Великой губой Онежского озера и южной оконечностью Космозера. Длина последнего не превышает двух с половиной километров, при этом в ландшафтном отношении перешеек удобен для движения. О том, что он действительно использовался для этой цели, свидетельствует сохранившееся здесь название урочища *Тайбола*, восходящее к карельскому *taipale*, *taibale* 'путь, расстояние; переход (напр., из деревни в другую по глухой лесистой местности)' [SSA]. Кроме того, уже самые ранние письменные источники по территории Заонежья фиксируют на Космозере посе-

ления, входящие в состав одного погоста с деревнями, при-  
мыкающими к побережью Великой губы Онежского озера, что  
также подтверждает существование в древности волоковой  
дороги от Онежского озера до южной оконечности Космозера.  
Берега же Святухи же на всем ее протяжении, кроме север-  
ного побережья, осваивавшегося с севера, оставались в те-  
чение столетий незаселенными.

Святуха, таким образом, оставалась в стороне от дороги и  
воспринималась прибалтийско-финскими насельниками края,  
продвигавшимися с юга, как крайнее, пограничное, т.е. “свя-  
тое” озеро.

В заключение несколько слов в пояснение предполагае-  
мых вепских истоков “святых” гидронимов в Заонежье. Этот  
русский район северного побережья Онежского озера наряду  
с вепскими характеризуется и многочисленными карельски-  
ми чертами в культуре и языке, в том числе и в топонимии.  
Однако ареальный анализ гидронимов с основой ruhä-  
убедительно свидетельствует об отсутствии данной модели  
на путях карельской экспансии из северного Приладожья в  
Обонежье: в то время как она хорошо представлена на  
предполагаемых маршрутах вепского продвижения на север.  
Мне приходилось уже писать [Муллеронен 2002:153–155] о том,  
что ко времени карельского проникновения на территорию  
современной Карелии и в Обонежье модель “святых” гидро-  
нимов уже, очевидно, утратила продуктивность в прибалтий-  
ско-финской гидронимии, поскольку к этому времени (XII–XIII)  
произошла смена значения слова ruhä (‘граница’ → ‘святой’),  
и новая семантика не была свойственна прибалтийско-  
финской гидронимии. И ареальная, и хронологическая (вепсы  
по данным археологии проникли в Обонежье несколько  
раньше карельской, а также новгородской волны) характери-  
стика говорят, таким образом, в пользу вепских истоков мо-  
дели в Заонежье.

Результаты анализа “пограничных” топонимных моделей  
Заонежья свидетельствуют, таким образом, о сакральном  
статусе пространства и его границ в представлениях созда-  
телей заонежской топонимии. Названия указывают также на

значительную устойчивость границ во времени, что важно учитывать при анализе возникновения и функционирования локальных общностей.

### **Сокращения**

Агапитов 2003 – Агапитов В.А. Топонимия и археологические памятники Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Материалы IV Международной научной конференции “Рябининские чтения–2003”. Петрозаводск, 2003.

Алквист 1996 – Алквист А. Загадочные камни Ярославского края // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä 10.–15.8.1995. Pars VII. Litteratura. Archaeologia. Anthropologia. Jyväskylä; 1996.

Березович 2000:437–438 – Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

Витов 1962 – Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962.

Кочуркина 1973 – Кочуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X – XIII вв. Л., 1973.

Криничная 2001 – Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Том первый: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-“хозяевах”. СПб., 2001.

Культурный ландшафт 1998 – Калущков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионова Е.А. Культурный ландшафт Русского Севера. Пинежье, Поморье. М., 1998.

Курец 2000 – Русские заговоры Карелии. Составитель Курец Т.В. Петрозаводск, 2000.

Матвеев 1996 – Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1.

Муллонен 2002 – Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

СГС – Муллонен И.И., Азарова И.В., Герд А.С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). Под редакцией А.С. Герда. СПб., 1997.

Хакулинен 1955 – Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. 2. М., 1955.

Черепанова 1983 – Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

Щепанская 1995 – Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995.

Anttonen 1994 – Anttonen V. Erä- ja metsäluonnon pyhyys // Metsä ja metsänvilja. Kalevalaseuran vuosikirja 73. Pieksamäki, 1994.

Kettunen 1955 – Kettunen L. Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen. Helsinki, 1955.

KMS – Nirvi R.E. Kiihtelysvaaran murteen sanakirja VI. Lappeenranta, б/г

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. I – VII. LSFU, XII. Helsinki, 1955 – 1981.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1 – 3. SKST 556. Helsinki 1992 – 2000.

Suvanto 1972 – Suvanto S. Satakunnan ja Hämeen keskiaikainen rajalaitos. Tampere, 1972.

Tunkelo 1946 – Tunkelo E.A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.